

АЛГЕБРА

ДАРЬЯ БОРИСОВА
Москва

*Лица стерты, краски тусклы,
То ли люди, то ли куклы,
Взгляд похож на взгляд, а тень –
на тень.*

*Я устал и отдыхаю,
В балаган вас приглашаю,
Где куклы так похожи на людей.*

А. Макаревич

*О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...*

В. Жуковский

Синий послеполудень. Желтый класс. Седьмой урок. Алгебра...

– Если вы помните, на прошлом уроке мы писали еще один пробник ОГЭ, – начинает Нина Никитична.

Я подозреваю, что это было еще до каникул, но вида не подаю и раскрываю учебник по русскому.

– Что нам задали?

Женя, моя подруга и соседка по парте, неспешно достает свой блокнот и наконец изрекает:

– Упражнение 308, кажется...

– Так вот, я их проверила. – Нина Никитична роется в сумке, затем на столе.

Сумка бежевая, немного сморщенная, похожая на улитку. Когда там роются, она ходит ходуном,

как двухместная палатка, в которой лежат три человека.

– Где мои очки? Без очков я ничего не найду.

Начинается поисковая операция «Очки», Нина Никитична перебирает бумажки, а я листаю учебник, мы шуршим хором, и выходит очень гармонично.

– А, вот ваши работы. Значит... Аня, сколько можно говорить, что тире в ответе писать не нужно? Только номер задания и через клеточку ответ. Безо всяких дополнительных знаков! Вот посмотри, как у Ани Скутской написано.

– Так у меня листочек был в линейчку...

В начале домашней работы нужно написать 10 словарных слов. Где же я столько найду? И как понять, какие русичке не покажутся слишком простыми? Вот, например, слово *перистиль*, которое нам давали на прошлом уроке. Ну что в нем такого? Буква «и» проверяется словом *периметр*, а «е» есть во всех словах с такой греческой приставкой: *периферия*, *перипетия*... Нет, нужно что-нибудь пословарнее. Вот, *эжзегеза*!

– Держите, передайте Ане ее работу... Машенька, ну как это называется? Смотри, что ты пишешь... Женя, включи свет над доской, пожалуйста.

Моя подруга вздрагивает, вскакивает, нажимает какой-то выключатель – и все погружается во мрак. Клекот кнопок – и среди тьмы возникает

доска. В конце концов после нескольких минут светомузыки становится видно и доску, и всех, и вся, и меня, и мой разверстый учебник по русскому. Но Нине Никитичне явно не до меня. Она ищет мел. Находит. А мел не пишет.

Нет, *эжзегеза* не годится, что там не проверишь? Приставку *эжз*- знает даже шестиклассник (всякие там *эндодермы* и *экзодермы* были в коре деревьев, кажется), это и *эжзотика*, и *эжзамен*. А «е» – интерфикс. Все просто, как арбуз. Ну да ладно, мне все равно нечего писать, авось сойдет.

– Мел плохой, – как-то обиженно замечает Нина Никитична.

– Я могу сходить за новым! – вскакивает Полина и выходит, не дожидаясь ответа.

Счастливая! Есть чем заняться... Что бы еще написать? Проблема. О, проблема! Нам же давали это слово в начале прошлой четверти. И то, спрашивается, чего давали? Как будто никто не учит английского и не знает слова *problem* с ударением на первый слог, но ладно, на бессловье и «проблема» слово.

Полина возвращается минут через пять с коробкой мела, белого, яркого и мягкого, как маршмеллоу. Нина Никитична пишет какие-то каббалистические знаки:

сумма $\angle \Delta = 180^\circ$

– Маш, ну почему нельзя по-человечески написать: сумма углов треугольника равна 180 градусам? Знаешь, мне это напоминает...

Ну все, сейчас пойдет рассказ о журнале «Веселые картинки», где были такие истории в рисунках. С пятого класса один и тот же, с непрерывной иллюстрацией на доске.

Полина начинает шелкать пальцами. Подседа к Арсению и шелкает, а у него вместо этого получается какой-то скрип. Наверное, все дело в кольцах, которыми усыпаны Полинины руки. А все-таки, как у нее это получается?

– А я умею зубами хрустеть, – шепчет сзади Тара и, действительно, хрустит.

Мне жутко смотреть, и я вспоминаю:

– Я могу двигать пальцем.

И сгибаю только верхнюю фалангу указательного пальца.

На таком шоу талантов даже Арсений не может устоять. Он пытается шевелить, хрустеть и шелкать всеми частями тела, но получаются какие-то конвульсии. На его беду, именно их замечает Нина Никитична.

– Арсений, что с тобой?

– Ничего.

– Так что же ты дергаешься весь?

– Я не дергаюсь.

В этот момент Полина делает под партой какое-то волшебное движение, и он весь вздрагивает.

– Арсений, не паясничай.

– Да что вы ко мне придираетесь?

Полина дергает его под партой, и он съезживается, как дождевой червяк.

– Хватит!

– Что я сделал не так?

И снова Арсения передедериживает.

– Я даже разговаривать не хочу больше на эту тему! Ты сам все знаешь!

Весь класс тоже знает. А наш третий ряд знает больше. Надо спасать Арсения, не погубив Полину. Иначе станет слишком скучно.

– Нина Никитична, пожалуйста, можете, пожалуйста, разобрать № 15?..

Тишина.

– Сейчас, мы еще не кончили обсуждать работы. Так вот, все надо писать сло-ва-ми! Тем более в этой части работы. На, Маш, забирай свою работу... Теперь Женя. Ты так мелко пишешь...

Женя даже проснулась от удивления. У нее самый крупный почерк из всех, которые я когда-либо видела, а буквы гонятся друг за другом, как скаковые лошади.

– Ну просто не разобрать. Вот что это за буква, братцы?

Главным братцем оказывается Лева, который сидит на первой парте и решает вперед учебник.

– А?

– Вот видите, а должно быть «п». Попробуй расшифруй твои каракули. Где ты, Женя Порхомовский?

А Женя Порхомовский в Турции. Впрочем, он не скрывается, каждый день аккуратно выкладывает фотографии – на пальме, на пляже, в городе, в ресторане, в мороженом... Моя соседка облегченно вздыхает и закрывает глаза. Спокойной ночи, Женя...

Я оборачиваюсь и вижу, что Тара рисует како-го-то эльфа.

– О, кто это?

В ответ слышится нечто непроизносимое.

– Кто?

– Ну, «Властелина колец» читала? Это оттуда.

– Тогда понятно.

Женя рисует собаку с оленьими глазами. Лева принялся за геометрию. Арсений уже где-то под партой. У Ангелины с Владой открылся ресторан

Наверное, поэтому вот уже около получаса над гуманитарным классом висит гул. «Наб_вные платки были особенно любимы на Руси...» Что тут вставлять? *Набавные* платки? *Набувные*? *Надувные*, может быть? По всем признакам набивные, но когда я пытаюсь представить их, то получается какая-то страшная подушка, которую еще как-то нужно навязать на голову. Чего только не придумывают авторы учебников!

чипсов и огурчиков. Марина и Катя опять поссорились. Маша ведет оживленные переговоры с Аней и Юлей, которая тоже что-то пишет.

- Маша, сколько можно болтать? У тебя три, ты знаешь?
- Теперь да.
- А откуда у тебя улыбка до ушей с тройкой?
- У меня просто такое выражение лица.
- Что ты! С тройкой!

Голова Арсения показывается из-за парты. Он поворачивается к Диане, но та мирно спит на плече у другой Маши, и бедняге ничего не остается, как обратить свой взор и уста к Лева. Тот называет его непечатным существительным, но от геометрии отрывается.

- Лева, ты сделал немецкий?
- Да, а что?
- На лице у Арсения расцветает улыбка.

- Дашь списать?
- Лева радостно улыбается в ответ.
- Конечно, нет.
- Улыбка Арсения достигает размеров Чеширского Кота:
- Ах ты, крыса!
- Так, а у вас что за разговорчики? – всплывает Нина Никитична.
- Словарных слов все равно мало. Ничего, оставим место и будем списывать восторженный текст про платки.
- Когда прекратится этот треп?!
- Эх, лучше бы он не прекращался.
- Мы по делу.
- Не по делу было бы, если бы они обсуждали алгебру.
- Какая разница! Болтливость не мужское качество!

Наверное, поэтому вот уже около получаса над гуманитарным классом висит гул. «Наб_вные платки были особенно любимы на Руси...» Что тут вставлять? *Набавные* платки? *Набувные*? *Надувные*, может быть? По всем признакам *набивные*, но когда я пытаюсь представить их, то получается какая-то страшная подушка, которую еще как-то нужно навязать на голову. Чего только не придумывают авторы учебников!

- Так... Ребята, ответьте мне, как находится энный член арифметической прогрессии?
- А-один умножить на дэ эн минус один, – не поднимая глаз, произносит Лева.
- Нет, не то.

Женя судорожно принимается листать учебник.

- Как не то? Вот, формула написана, – изумленно шепчет она.
- Саша Черепанова?
- Саша смотрит на Нину Никитичну своими ясными голубыми глазками и молчит.
- Саша?

«Пл_тки яркие, н_рядные...» Сколько можно писать, что слово *платки* проверяется простым русским существительным *плат*? Для разнообразия напишу про неполногласие: *-плат-* – *-полот-* (как *плат* – *полотно*).

- Саша?!
- «Глаз не отве_ти...» Здесь, наверное, нужно вставить «з», как *везу*. «Глаз не отвезти...»

- Саша!
- Саша молчит. И закрывает блокнот.
- Все, мне это надоело. Давай его сюда.
- Звери, птицы, рыбы, девочки в стиле аниме – все пропало?..

Нина Никитична победоносно вытаскивает из-под горы тетрадей разряженный телефон. Саша может продолжить рисунок.

– Так какая же все-таки формула энного члена?

«П_п_дают(?)ся пл_тки с бахромой. П_п_дают(?)ся – с к_стями...» Что там последнее? «0», проверочное слово *юсть*. Это не девятый, а какой-то первый класс, честное слово! Платки с к_стями... Ох уж эти авторы!..

Марина с Катей помирились и играют в «Летел лебедь».

– Эй, можно с вами?

Мы с Тарой присоединяемся. В итоге играет весь третий ряд. Алекса, сидящая прямо перед учительским столом, от зависти начинает приплясывать на месте, повернувшись к Нине Никитичне не меньше чем на 360 градусов. Варя выбывает, и следующим после меня игроком становится Марина.

– Слушайте, неужели никто не помнит формулу энного члена?! Вы же по этой теме контрольную писали?

Аня знает, но она на очередных сборах по истории. Лева знает, но он решает геометрию. Арсений знает, но он увивает от Полины, которая тоже знает, но щекочет его. Маша с Дианой знают, но они спят. Женя, Саша и Тара знают, но они рисуют. Влада с Ангелиной знают, но они торгуют с Настей и Василисой. Две Ани знают, но они ждут своей очереди за огурчиками. Юля наверняка знает, и Маша тоже, но они беседуют. Катя, Варя и Марина знают, но они играют в «Летел лебедь». Даже я знаю, но сейчас моя очередь хлопать по Марининой ладони, которая находится в двух метрах от меня.

Я наклоняюсь через всю парту, Марина тянется ко мне, чтобы наши руки хотя бы соприкоснулись. У нее немного смуглая ладонь с изящным маникюром. По ней разбегаются тысячи линий. Говорят, что где-то среди них есть линия жизни. Думаю, если попросят меня лет через двадцать или даже десять рассказать, что мы проходили на алгебре, я вспомню только эту паутинку морщинок на руке...

Я из последних сил хлопаю по несчастной протянутой руке, но – звенит звонок, и Марина успевает отдернуть ее. Я выбываю.

– Ну, пока перерыв. Продолжим после перемены. Сегодня у нас две алгебры подряд.